
Глава 7.

1901 год

Центральные учреждения Министерства иностранных дел состояли в ту пору из канцелярии, Первого департамента (бывшего Азиатского), Второго департамента (бывшего внутренних сношений), Департамента личного состава и хозяйственных дел, Петербургского главного архива (сочетавшегося с Государственным архивом) и Московского архива.

Канцелярия, по аналогии с посольствами и миссиями, состояла из секретарей, первых, вторых и третьих (первые — старшие), и из атташе, или «причисленных». Возглавлял канцелярию директор, и в помощь ему имелся вице-директор. Канцелярия — питомник будущих послов, гвардейская по родовитости и личным достоинствам служащих часть министерства — шифровала и расшифровывала депеши. Исключительно этим занимались вторые, третьи секретари и причисленные. Для расшифровки депеш, поступавших за ночь, устраивалось ночное дежурство. Первые секретари составляли, помимо того, сводки политических донесений для информации посольств и миссий выписками из подлинников. Директор, вице-директор ретушировали эти немудреные труды. Порою редактировали проекты депеш. Но зачастую получали для шифрования и отправки готовую редакцию депеш от министра или его товарища. Школою для подготовки будущих посланников и послов канцелярия, как видно, являлась неважною. Работа не требовала ни инициативы, ни знаний, ни каких-либо соображений. Не практиковалось самостоятельное составление хотя бы простейших записок и бумаг. Тем не менее, молодежь канцелярии, не в меру себя переоценивая, преисполнена была сознания собственного достоинства и высокомерно относилась к персоналу департаментов министерства. Плохою школою, отсутствием технической подготовки объясняется преимущественно малоудовлетворительный состав высшего заграничного представительства дореволюционной России последних лет из бывших питомцев канцелярии. Попадались, разумеется, в числе их недурные дипломаты, но в виде исключения. И соответствием своим требованиям службы они были обязаны отнюдь не служебному стажу в недрах канцелярии министерства или в сходственных канцеляриях посольств и миссий, а прирожденным способностям и воспитанию и образованию в семье, в усо-

вершенствование и пополнение образования, дававшегося лицеем, из которого преимущественно выходили будущие дипломаты¹. Дипломатов лучше подготавливали департаменты министерства, несшие работу не столь механическую и требовавшую все-таки соображения, главным образом Первый департамент, бывший Азиатский, ведавший дела Востока, Ближнего и Дальнего, и Средней Азии. Именно канцелярия вырабатывала каламбурный тип молодых людей «étrangers aux affaires» в министерстве «des affaires étrangères»^a. За всем тем, как упоминавшийся персонал посольства в Париже, все «чины» канцелярии были прекрасно воспитаны, безукоризненно одеты, чисто вымыты, хорошо причесаны и подбриты и не только изъяснялись на прекрасном французском языке, но и думали по-французски. В памяти проносятся образы изящных молодых людей типа иллюстраций модного журнала. Но не на ком остановиться. Некого назвать. До такой степени за прекрасно сшитым фраком, порою блестящим камер-юнкерским мундиром не видать было сколько-нибудь оригинального содержания. Индивидуальнее других среди своих сослуживцев был весьма в свое время известный Петербургу по его чересчур шумной карьере некто А. А. Савинский. Сын ковенского мелкого землевладельца и дельца, красивый собою, ловкий арривист, он по окончании Петербургского университета и отбытии воинской повинности в фешенебельном Конногвардейском полку был устроен на службу в канцелярию министерства заботами земляка по Ковенской губернии П. Л. Вакселя. Представленный Вакселем графу Ламздорфу, он был чрезвычайно оценен последним. С назначением Ламздорфа министром перед Савинским настойчиво расчищается путь к дипломатической карьере. Он уже первый секретарь канцелярии, вскоре вице-директор, еще погода — директор. Министр всячески его приближает к себе. Ламздорф и Савинский неразлучны. Дает министр раут — Савинский встречает, приветствует, провожает гостей. Едет министр к царю в Крым, в финляндские шхеры или с царем за границу для присутствования при официальных встречах царя с иностранными монархами, Савинский всюду сопровождает Ламздорфа. Ввиду особенной склонности министра весьма интимного свойства, близость Савинского к Ламздорфу порождает злые слухи. Они приобретают широкое распространение, используются для создания вокруг Савинского заведомо враждебной атмосферы. Некоторые сослуживцы Савинского стали от него отворачиваться. И в обществе многие лица стали сторониться Савинского. В отношении к сослуживцам нужны были отличавшие Савинского ^bособенная «гибкость» и ^bсамообладание, чтобы, стараясь, что только можно было, не замечать, не дать окружавшей неприязненной настроенности вылиться в открыто оскорбительные формы. *Савинскому нужно было во что бы то ни стало избежать гибельного для его карьеры скандала.* Годами выдерживая нараставшую неприязнь, Савинский с этою задачею справился. А бывало трудно! В порядке выдвижения Савинского Ламздорф исхлопотал ему назначение в должность церемониймейстера императорского двора, с оставлением на службе в ведомстве. Обер-церемониймейстер граф Гендриков *возмутился*, стал шуметь и заявил было просьбу об отставке. Ему было предложено остаться и успокоиться. Дело обошлось². Положение Савинского в министерстве и в обществе

^a «Странных дел» ... «иностранных дел» (фр.).

^{b-b} Вписано вместо: «исключительный такт и большое».

улучшилось с уходом графа Ламздорфа с поста министра иностранных дел. Все ожидали, что вновь назначенный министр А. П. Извольский *немедленно* удалит Савинского. Но, видимо, у Савинского были все-таки кое-какие положительные качества — не деловые (не было в канцелярии стимула их выработки), но природная сметка, ловкость, исполнительность. И эти качества оценил и Извольский, и он Савинского удержал. Савинский оставался директором канцелярии в течение всего времени, что Извольский был министром. Дурная молва о причинах успехов Савинского умолкла. И он стал далее успевать, продвигаясь в дипломатической карьере. Когда сменившему А. П. Извольского С. Д. Сазонову захотелось иметь директором канцелярии своего бывшего секретаря по миссии при Ватикане, несносного, *скучного, бездарного* барона М. Ф. Шиллинга, бывшего в ту пору первым секретарем посольства в Париже, Савинский был назначен посланником в Швеции, потом в Болгарии.

Возвращаясь к структуре министерства, упомяну, что выработкою и изменением время от времени шифров секретной переписки занималась подчиненная канцелярии «цифирная экспедиция». Во главе ее стоял кроткий и бесхитростный барон Константин Фердинандович Таубе, человек с гробовым голосом, непокорными торчащими волосами и запущенной бородой.

С экспедициею был связан имевшийся у нас, как и у всех иностранных дипломатических ведомств, весьма замаскированный так называемый «черный кабинет» — по раскрытию иностранных шифров и перлюстрации секретной переписки пребывавших у нас дипломатических представительств иностранных государств. Мало было шифров, которые не удавалось кабинету так или иначе раскрыть. Дешпи в копиях передавались почтамтом министерству. И в большинстве случаев оно было осведомлено о содержании секретной переписки иностранных посольств и миссий. Помимо общей ценности информации, этим облегчались и переговоры. Когда иной иностранный дипломат, бывало, зайдет к министру с каким-либо поручением от своего правительства, министр уже наперед знает, о чем дипломат поведет речь и уже соответственно подготовлен к переговорам, успев обдумать вопрос, а порою и посоветоваться с сотрудниками.

Помимо «цифирной экспедиции» (с «черным кабинетом») при канцелярии же состояла «газетная экспедиция», впоследствии преобразованная в самостоятельный центральный орган ведомства под наименованием Отдела печати. Возглавлял эту экспедицию в пору моего поступления в министерство почтенный старец Ниве, большой, грузный, благообразный. В числе сотрудников числился племянник барона Константина Фердинандовича, талантливый и умный барон Михаил Александрович Таубе, впоследствии видный профессор международного права, один из советников министерства, заведовавший юрисконсультской частью ведомства, после — товарищ министра народного просвещения (при министре Л. А. Кассо).

Первый, бывший Азиатский, департамент был наиболее деловой. Помимо шифрования и расшифровки депеш по территориальному ведению департамента, велась в нем обширная переписка как с аккредитованными при русском дворе иностранными послами и посланниками, так и со своим заграничным дипломатическим и консульским представительством, с другими министерствами в России и высшею администрациею восточных окраин. Однако и эта переписка была узко специальная. Отсутствовали горизонты общего государственного управ-

ления. Не было осведомленности в области законодательных норм, структуры и порядков власти. Закона совершенно не знали. Руководствовались во всех случаях интуицией. Директором после назначения левантинца Базили старшим советником министерства был Николай Генрихович Гартвиг, впоследствии посланник в Сербии, *исключительно* некрасивый, неприятный, но умный и талантливый^а. Вице-директором был Сементовский-Курилло, также неприятный, но также не глупый человек, бывший впоследствии короткое время посланником в Болгарии, рано скончавшийся, небольшого роста брюнет с резкими чертами лица сильно выраженного семитического типа. Старшими чиновниками была целая плеяда впоследствии выдвинувшихся на видные посты дипломатов: Анатолий Анатолиевич Нератов, высокий брюнет, всегда ровного спокойного характера, приятного обращения, хороший техник дипломатических сношений и переписки, товарищ министра при министрах Сазонове, Штюрмере, Покровском и при Временном правительстве вплоть до Октябрьской революции; Иван Яковлевич Коростовец, талантливый, умный, впоследствии посланник в Китае и Персии; Георгий Антонович Плансон — по внешности не то бурят, не то сиамец или японец — комиссар по иностранным делам при учрежденном в 1903 г. и вскоре же с японскою войною упраздненном наместничестве на Дальнем Востоке, потом участник делегации С. Ю. Витте по заключению мира с Японией^б, после — наш дипломатический представитель в Сиаме.

При Первом департаменте состояло, будто бы для усовершенствования младших служащих ведомства в знании восточных языков, учебное отделение этих языков с громоздким штатом преподавателей, директором в их главе, всех снабженных, помимо хороших окладов, прекрасными казенными квартирами. Быть может, был момент, когда нужда в таком отделении и ощущалась, и оно оказывалось целесообразным. Но в последние годы направлявшиеся в отделение питомцы факультета восточных языков Петербургского университета или Московского Лазаревского института восточных языков только позабывали и утрачивали в отделении практические и теоретические знания, приобретенные на факультете или в институте. Предполагалось отделение упразднить. Но оно досуществовало до Октябрьской революции. Директором отделения долгое время был коротенький, толстенький, по типу не то турок, не то грек, Н. И. Иванов^{за}. Сменил его скучный, тусклый декан факультета восточных языков профессор В. А. Жуковский.

Второй департамент, в составе которого я служил (бывший Департаментом внутренних сношений), обслуживал переписку внешнюю и внутреннюю по делам Западной Европы, Америки и колоний европейских держав. В данной территориальной подведомственности работа Второго департамента была тождественна с работою Первого департамента по Востоку, за исключением секретной политической переписки депешами, выделенной канцелярии. Директором был упоминавшийся выше Николай Андреевич Малевский-Малевич, недурной человек, но не тактичный и напускавший на себя совершенно несносные напыщенность и надменность, которые создали ему многочисленных недоброжелателей. Как начальника Малевского сослуживцы определенно не любили. Вице-директором был прежний судебный деятель, перешедший в консульский корпус,

^а Далее в рукописи три строки текста закрашены чернилами.

дослужившийся до генерального консула в Вене, с должности которого и был взят в центр, Сергей Михайлович Горяинов, пожилой, добродушный, трудолюбивый, создавший несколько громоздких справочников преимущественно по консульской практике, милый, но ограниченный человек.

Департамент личного состава и хозяйственных дел постепенно сосредоточил в себе законодательную часть министерства, бюджетную, финансовую, заведование недвижимостями в России и за границей, заграничными церквями ведомства, инструктированием заграничной службы, специальными вопросами личного состава — назначениями, производством в чины, наградами. Директором после влиятельного при министре Гирсе властного Никонова был красивый барон Карл Карлович Буксгевден, очень представительный сановник, в обращении предупредительный и приятный человек. Немного педант. Требовательный в делах службы. Но всегда неизменно корректный. В департаменте его не любили. Объективно говоря, он этого не заслуживал. Его не любили потому, что он был требователен и подтягивал сослуживцев. Подтягивать же приходилось. Таков был состав. Не было в нем дисциплины труда и сознания ответственности работы. Одни проявляли недопустимую на службе рассеянность, приводившую к ошибкам в актах и документах, другие — леность, третьи — бестолковость. Кого не нужно было, барон не подтягивал. Но всем цену отчетливо знал. Если не очень ухаживал и поощрял, то потому, что не было для этого оснований. Вице-директором был Михаил Иванович Муромцев, немножко подпрофессор, читавший лекции по международному праву в отделении восточных языков, фанатический поклонник поддерживавшего его известного международника профессора Мартенса, сам в достаточной степени бесцветный человек, тупой и упрямый. Плохим он был помощником своего директора. Заведовал совершенно второстепенною трафаретною трухой. Когда же ему пытались поручать составление законодательных записок, то ничего из этого не выходило. Языков не знал. По внешности и внутреннему содержанию представлял собою тип земского статистика. Плоховато был воспитанный, простоватый и грубоватый. Муромцева сослуживцы любили. И он подтягивал их, но со свойственною ему грубоватою простотой. Она почему-то больше нравилась выдержанного, корректного, но холодного подтягивания барона Буксгевдена. И еще любили Муромцева за то, что он не любил барона. Барон же относился к Муромцеву совершенно безразлично. Давно сознал, что помощи себе в Муромцеве не найдет. Но по большой деликатности не пытался отделаться от Муромцева.

Во главе Петербургского архива министерства с давних лет находился весьма почтенный сановной внешности человек барон Стюарт, замечательный преимущественно тем, что всех, кого только встречал из желавших поступить на службу в ведомство, всячески от этой службы отговаривал. Сподвижников его, стоя в описываемую пору далеко от архива, я совершенно не знал. Не знал никого и из состава Московского архива министерства.

Не представляет, по воспоминаниям, интереса останавливаться на многочисленном штате чиновников особых поручений при министре, ни на еще более многочисленных «состоявших» в ведомстве лиц, ранее служивших по ведомству, перешедших на другую службу, но пожелавших сохранить связь с министерством, а потому оставленных по их просьбе в списках ведомства.

* * * * *

Положительную стороною моей службы в министерстве, заключающейся в совершенно маленьком деле издания «Сборника консульских донесений», была большая самостоятельность работы. Я собирал материал, отбирал из него для печатания наиболее интересное, получал на печатание одобрение редакционной коллегии и затем обрабатывал материал. Консулы за редкими исключениями были настолько плохими стилистами, что требовались основательные переделки текста. Во многих случаях приходилось «переводить» донесения с пестревшего иностранными выражениями и оборотами речи «консульского» языка на русский. А зачастую, прочтя и с трудом уразумев содержание материала, я вынуждался к переложению донесений своими словами. Издавая русский «Сборник консульских донесений», заинтересовался аналогичными иностранными изданиями. Попался интересный материал. На основании его я составлял газетные статьи, порою небольшие заметки, которые помещал в «Торгово-промышленной газете», издававшейся при Министерстве финансов. Брали у меня статьи и московские «Русские ведомости» через проживавшего в Петербурге видного их сотрудника В. Ю. Скалона. Однажды меня посетил на моей квартире редактор-издатель «Московских ведомостей»⁴ Грингмут, сменивший в руководстве газетою умершего известного М. Н. Каткова. Сладенький во внешних проявлениях, *очень любезный* старичок Грингмут просил меня наладить работу с его газетою периодическим доставлением составляемых по заграничным материалам финансово-экономических очерков. Но очень уже определенная была у Грингмута репутация рептильного газетера и в ту пору непревзойденного черносотенца⁵. Работать с ним мне не подходило. *А побеседовать с Грингмутом, на него посмотреть представилось интересным.*

Во внутренней политической жизни год ознаменовался возобновлением, после продолжительной передышки, ^атеррористических актов^а. В начале года был убит министр народного просвещения Боголепов^б. Вслед за тем было произведено покушение на К. П. Победоносцева. Боголепова был призван сменить престарелый генерал-адъютант, член Государственного совета, бывший военный министр П. С. Ванновский. Жесткий в свое время в управлении военным ведомством, Ванновский проявил себя на посту министра народного просвещения чрезвычайно мягко. Курс был им взят на благожелательность и доверие. Прежний строгий генерал приобрел у учащейся молодежи, да и у профессорского и педагогического персонала, значительную популярность. Чувствовалось, что насыщенный властью в прежнюю свою большую карьеру, уставший от власти, он отнюдь не искал ее вновь. Всего менее дорожил ею и, вернувшись к власти в критический момент, приносил этим стране, в сущности, немалую жертву.

Во внешней политике мы не оставляли дальневосточную экспансию. Продолжали оккупировать Маньчжурию. По линии казавшегося наименьшим сопротивления нарастали опасные авантюристские течения. Успехи мародерства при подавлении боксерского движения мелких разрозненных конквистадоров разожгли аппетиты грабителей большого масштаба. Под флагом империализма организовывалась проклятой памяти разбойничья «безобразовская» шайка⁷.

^{а-а} Вписано вместо: «красного террора».

* * * * *

Зимой мне довелось присутствовать на малом «концертном» балу в Зимнем дворце, дававшемся по случаю приезда в Петербург наследника австрийского престола Франца-Фердинанда⁸, того самого, чья и чьей супруги трагические смерти от руки убийцы в 1914 г. явились ближайшим поводом к разгоревшейся вслед за тем мировой войне. На концертные балы было принято командировать в качестве переводчиков для обслуживания иностранного дипломатического корпуса двух чинов Министерства иностранных дел по выбору министра. На самом деле в переводчиках никто не нуждался. Не существовало иностранного дипломата, не владевшего французским языком, которым, в свою очередь, за редкими исключениями, в совершенстве владели и присутствовавшие на балах русские, в том числе лица, причастные к церемониальной части императорского двора. Но установленный с давнего времени обычай посылать переводчиков сохранился. Присутствовать на балу выпало на этот раз на мою долю и на долю служившего в одном департаменте со мною сына товарища синодального обер-прокурора Саблера. Отправились на бал мы вместе. Великолепие и красота поражали во дворце с первого шага. Величественные по размеру, роскошные по убранству покои. Незабываемую картину представлял уже военный караул перед входом в большую залу. В тот вечер он был от Конного полка, в великолепном подборе вытянувшихся в две шеренги красавцев-великанов в белых колетах, кирасах, касках, увенчанных массивными орлами с распущенными крыльями. В руках обнаженные тяжелые палаши. Караулом командовал стройный, красивый поручик граф Нирод. Выше среднего роста, он казался миниатюрным перед солдатами-конногвардейцами. У каждой двери по двое дворцовые «арапы» — в цветных тюрбанах, атласных куртках и широких шароварах, опоясанные красными шарфами. Бальный зал был уже почти полон толпою приглашенных. В сверкании бриллиантов, переливах жемчуга, белой пене *тончайших* кружев и шелка красовались на первом плане группы придворных и городских дам и девиц. Гвардейское офицерство было представлено царскосельскими гусарами в белых, отороченных соболями ментиках с золотыми шнурами. В глубине зала длинною лентою вытянулся дипломатический корпус. В стороне толпились министры и другие высшие сановники. Быстрыми шагами спешат присоединиться к ним запоздавшие Николай Валерьянович Муравьев и граф Ламздорф. Все гражданские чины в вице-мундирных фраках, составлявших форму одежды концертных балов, в отличие от больших балов, на которые приглашенные являлись в шитых золотом мундирах. Появились царь и царица. За ними следовали эрцгерцог Франц-Фердинанд и царская свита. Царь в гусарском ментике в окружении трех церемониймейстеров с жезлами начал с обхода дипломатического корпуса. Первым в ряду дипломатов, склонившись, приветствовал царя французский посол граф Монтебелло. Дальше — другие послы, посланники. Рукопожатие, два-три приветственных слова. Японский посланник задерживает протянутую ему руку царя. Царь ее оттягивает. Посланник о чем-то просит, быстро, но многословно. По политическому моменту японцу есть о чем поговорить с русским царем, попытаться чего-то от него добиться. Царь слушает бесстрастно. По лицу пробегает тень нетерпения. Царь бросает короткий ответ. Очевидно, отсылает японца к своим министрам и, кивнув головой, отходит. Им-

ператрица занята с представляющимися ей дамами. ^aВнешность ее приковывает внимание^a и фигурой, и ростом, и красивыми еще в ту пору чертами. Портит излишний румянец. Резкий контраст представляют эмоционально-пылающие щеки и каменное, неприветливо-холодное выражение лица. Видно, что многолюдие волнует и тяготит императрицу. ^bИз других присутствующих женщин выделяется красотой молодая княгиня Абамелек-Лазарева, рожденная Демидова Сан-Донато^b. Франц-Фердинанд — длинный белесый верзила со внешностью тупого немецкого унтера. Грянул дворцовый оркестр, расположившийся на высокой эстраде, сбоку, перед входом в зимний сад. Оригинальные красные кафтаны оркестрантов. Прекрасный «ensemble». Блестящее исполнение. Увлекательный вальс. Закружились пары. Смешались гусарские ментики с шелками дамских нарядов. Мягко звенят шпоры, сливая свою серебряную дробь с богатыми аккордами оркестра. В быстрой чередке один танец сменяется другим. Незаметно подошло время ужина. Прекрасный зимний сад, весь залитый светом искусно скрытых электрических ламп. Стройные пальмы, другие экзотические деревья, настолько уходящие своими сплетающимися вершинами в далекие своды невидимого потолка, что получается иллюзия тропического сада под открытым небом. Иллюзия в такой степени полная, что не верится в снег и мороз нависшей над столицей холодной северной ночи. Иллюзию дополняют смешивающие свою зелень с широколиственной зеленью пальм, мягкой хвоею кипарисов и лиственниц деревья-кустарники и *роскошные* клумбы цветов, окаймляющие искусно проложенные садовые дорожки. И над этим садом льется неведомо откуда мелодия где-то притаившегося невидимого оркестра. На несколько возвышающемся над цветочными клумбами помосте, под сенью нависших ветвей деревьев-великанов, за роскошно убранном столом ужинает царица, имея по правую руку Франца-Фердинанда. За столом наиболее почетные, высокопоставленные гости. Остальные, мы с Саблером в том числе, расположились за расставленными во множестве поодаль и в примыкающем к зимнему саду следующем за ним зале отдельными столиками, по восемь человек за каждым. Царь за ужин не садился, а обходил ужинавших гостей. Кончился ужин. Царь и царица удалились в свои покои. Потянулась к выходу и густая толпа гостей. *Волшебная картина померкла. Разъезд на морозе. Укутавшись в медвежью шубу, я перебежал Дворцовую площадь и вернулся в Министерство иностранных дел, в здании которого занимал маленькую казенную квартиру на самом верху.*

За концертным балом в Зимнем дворце последовал раут у министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа. Приглашения были разосланы, помимо дипломатического корпуса, сановного, придворного Петербурга и петербургской знати, также и всем чинам министерства. Поэтому в число приглашенных довелось попасть и мне. Квартира министра в крайнем левом крыле обращенного фасадом к Зимнему дворцу большого полуциркульного здания Главного штаба, с серединной аркою на Большую Морскую улицу, выходила окнами и парадным подъездом на площадку перед Певческим мостом, имея напротив левую

^{a-a} Вписано вместо: «Она величественно хороша».

^{b-b} Вписано вместо: «Внешностью своею она все-таки красивее всех присутствующих женщин, не исключая молодой княгини Абамелек-Лазаревой, рожденной Демидовой Сан-Донато. Она лучше других, не уступает императрице в фигуре и в росте».

сторону Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, обращенного лицом на Дворцовую площадь, а другою, правою стороною — на Миллионную улицу. Квартира представляла ряд обширных зал изящной архитектуры, богато убранных стильною мебелью, великолепною бронзою и редкими картинами из Императорского Эрмитажа. Залы различались цветом обивки мебели и портьер. Первый, направо от входа, украшенный легкими мраморными колоннами, был убран в желтый цвет и назывался Желтым. За ним и по другую сторону от него следовали залы, убранные в другие цвета, едва ли не до исчерпания основных цветов спектра. Анфиладу зал отделял от внутренних комнат квартиры министра длинный и широкий коридор, представлявший собою сплошную галерею писанных масляными красками портретов, в массивных золоченых рамах, канцлеров, вице-канцлеров, министров иностранных дел и других высших сановников, начиная от эпохи императора Александра I. В аванзале, выходящем на парадную лестницу, встречал гостей неизбежный Савинский. Во внутренних покоях небольшого роста, с зачесанными волосами над полыселем лбом, маленькими усиками под тонким классической формы носом, приветливо улыбавшийся граф Ламздорф переходил от одной группы гостей к другой и из одной залы в другую. Задерживался в короткой беседе с наиболее значительными лицами. Не упускал, однако, подарить крепким рукопожатием и ласковою, почти радостною улыбкою каждого и из нас, своих многочисленных сослуживцев. Вот его «друг» — массивный, огромный, нескладный Сергей Юльевич Витте, с холодным блеском громадной силы гипнотизирующих глаз над искалеченным луесом носом, в овале лица, удлинненного трепаную русскою бородкою. Сергей Юльевич и гр<аф> Ламздорф — «друзья», друзья настолько, что и всю официальную переписку на имя министра финансов от имени министра иностранных дел было предписано начинать, вместо стереотипного титула «Милостивый государь», ласково дружеским обращением «Дорогой Сергей Юльевич!» Рядом с Сергеем Юльевичем его супруга Матильда Ивановна, шавельская еврейка, обладавшая в молодости, по свидетельству современников, привлекательною красотою, умело ею использованною в блестяще завершенном восхождении со ступени на ступень по лестнице больших успехов. К ней протягивалось много рук с предложением опереться на них на подъемах. Она выбирала сильнейшие. *Числом же их не смуцалась.* От прежнего своего мужа Лисаневича вышла за Сергея Юльевича только после получения им первого его министерского портфеля — путейского ведомства. Из известных мне лиц была близка двоюродному брату моего отца князю Николаю Дмитриевичу Оболенскому. Казалось, всего достигла. Одного добиться не удалось, несмотря на настойчивое желание, это быть принятою ко двору. Ей одной из всех жен министров упорно в этом отказывалось. Матильда Ивановна была женщина незаурядного ума. И при всем выдающемся уме Сергея Юльевича в значительной мере влияла на него. Занялась его воспитанием. У Сергея Юльевича совершенно не было так называвшихся манер. И он любил сквернословить, не стесняясь соответственно «выражаться» в официальной служебной обстановке. Сергей Юльевич не знал языков. Матильда Ивановна настояла на воздержании супруга от «красочных» *народных* выражений, обучила Сергея Юльевича, насколько умела, языкам. Он стал их понимать. И хоть кое-как, с плачевным акцентом, но мог все-таки связать по несколько слов по-французски и по-немецки. Лишь после этого ему представилась возможность официальных

больших, по его роли и значению, выездов в Европу. А манеры? Не успел Ламздорф отойти от четы Витте, как, наблюдая за происходившею беседою друзей, я вижу огромного, тяжелого Сергея Юльевича согнувшимся над оброненным дамским платочком. Вот он его поднял и, склонившись, протягивает обронившей его даме. Ни дать ни взять, французский маркиз эпохи королевского Версаля. Поодаль — военная группа. В центре популярный умница — генерал М. И. Драгомиров, киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа. Большой рост. Широкая, коренастая фигура. Некрасивое, умное лицо, скуластое, монгольского типа. В соседнем зале беседуют небольшого роста мужичок в генерал-адъютантской форме, со спутанными волосами и бородкою, и большой, длинный франт в штатском, очень холеный, с лысою яйцеобразною головою, обладающий большим, скошенным набок носом. Это министры: военный — Куропаткин и внутренних дел — Сипягин. В стороне, в окружении составившейся из неведомых мне лиц небольшой аудитории, о чем-то разглагольствует издатель «Гражданина»⁹ кн<язь> Мещерский, высокий старик отталкивающей внешности и отменно плохой репутации. «Гражданина» мало читают, но читает его царь. А потому издатель «Гражданина» делает политику и имеет влияние. *Он клеветник. Его били. Он не укрывающийся гомосексуалист. Любовников проталкивает в карьеру.* Иностраный дипломатический корпус представлен полным составом посольств и миссий до молодых секретарей и атташе включительно в сопровождении дипломатических дам — супруг и дочерей дипломатов. Своеобразную группу представляет китайское посольство в национальных костюмах. Иностранцы флиртуют со своими и с русскими дамами. Кое-где играют в бридж на расставленных в нескольких залах карточных столиках. Лакеи разносят чай со сладостями, бокалы шампанского. В колонном зале роскошный буфет со всевозможными холодными блюдами, кондитерскими тортами, печеньем, конфетами, мороженым, разнообразными фруктами и шампанским, льющим рекою. В залы вливается новый поток приглашенных. Прибыли запоздавшие гости из театров и концертов. Становится настолько многолюдно, что, несмотря на обширность помещения, ощущается теснота. Царит полная непринужденность. Сходятся группами лица, давно и хорошо знакомые друг с другом. Поэтому им весело. И чувствуют они себя на этом дипломатическом рауте как у себя дома. Играет прекрасный оркестр. Музыка еще поднимает настроение. Курить собираемся в крайнем зале, в конце анфилады, примыкающей к служебным помещениям министерства и обычно служащем приемною перед кабинетом министра. Курим и в коридоре, со стен которого на нас явно неодобрительно смотрят высокомерно-строгие лики александрийских вельмож. Расходимся неохотно. Но оркестр умолк. Шампанское иссякло. Залы наполовину опустели.